

ПРЕДИСЛОВИЕ МАКСИМА ЮРЬЕВИЧА НИКУЛИНА,
ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
РУКОВОДИТЕЛЯ ЦИРКА НА ЦВЕТНОМ БУЛЬВАРЕ

— *М*аксим Юрьевич, у меня к тебе большая просьба: расскажи о своем отце. И все, что ты о нем сейчас вспомнишь, пусть будет своеобразным предисловием к книге о дорогом моему сердцу однополчанине, добром старшем товарище и просто замечательном человеке.

— Сказать по правде, многие люди пишущие не забывают моего отца. Меня это не может не радовать. Вот и ты написал о нем книгу. Ценю и благодарю. Среди прочих вопросов от вашего брата встречается и такой: какими эпитетами можно охарактеризовать Юрия Владимировича? И я всегда отвечаю, что мне хватит одного определения. Есть такое, не самое нынче ходовое понятие, как благородство. Оно включает в себя комплекс положительных качеств: честность, порядочность, искренность, самоотверженность, доброта, любовь. Как раз все то, чего сейчас остро не хватает всем нам. Так вот, отец

был буквально «набит» этими дефицитными нынче качествами. Более благородного человека — не по родству, а по состоянию души — я в своей жизни не встречал. Он обладал уникальным свойством, я называю его квазиискренностью — это абсолютное отсутствие второго плана. Всегда и со всеми Юрий Владимирович был настоящий, подлинный, без того, что именуется «себе на уме». Никогда не подстраивался под собеседника. С президентом страны, с министром, с шофером, со мной, с внуками, с дворниками он говорил одним и тем же языком: простым, понятным, искренним.

У отца было очень много товарищей, коллег, приятелей. А вот настоящих друзей — мало. Очень близким другом был Марат Вайнтрауб — юрист, с которым они практически всю войну прошли вместе. Он был свидетелем на свадьбе моих родителей, а через год женился на маминой сестре. Таким образом, они стали не только друзьями, но и родственниками. И мы все вместе — с бабушками, их семьями, детьми — жили в коммуналке в одном из переулков Арбата. «Колхоз «Гигант» было написано на нашей входной двери, потому что там — в пяти комнатах — только нас проживало 18 человек, а еще и соседи. При этом все отлично уживались, помогали друг другу, не было ни ссор, ни конфликтов.

Когда отцу выпадала возможность заняться хлопотами по поводу новой для нас квартиры, он их игнорировал. С одной стороны, ему жалко было уез-

жать от дружной компании родных. Ну а с другой — папа говорил: «А зачем нам большое жильё? Мы же все время в разъездах, сюда приезжаем максимум на месяц». В итоге наша семья получила отдельную квартиру почти насильно. Когда отец в очередной раз пошел решать квартирный вопрос для кого-то из артистов цирка, председатель Мосгорисполкома — Промыслов, кажется, тогда был — поинтересовался: «А у вас-то самого как обстоят дела с жилплощадью?» «Все в порядке, — бодро ответил отец, — отлично живу в коммуналке». Тот, понизив голос, сказал: «Товарищ Никулин, зачем вы так фрондируете? Это же несерьезно. Стольким людям помогли, а сами ютитесь в коммуналке. Вот вам ручка и бумага — пишите заявление. Прямо сейчас, здесь, при мне, пишите!» Вот таким образом мы и получили квартиру. Я тогда учился в 9-м классе.

Сказать откровенно, меня долгое время обижало то, что отец постоянно просит за чужих людей, их детей, а за меня — никогда и ни перед кем. Мне даже казалось, что он меня не любит. Но с годами я стал осознавать, что его любовь ко мне безмерна. И поступал он так не от невнимания к родному сыну, а просто в силу того, что я все время рядом и, мол, в случае чего, мне всегда успеется помочь, а тем людям нужно немедленно оказать поддержку. Когда я это для себя уяснил, сразу успокоился. А вообще, когда отец «дорывался» до меня, мы проводили вместе очень много времени: он сочинял мне

рассказы, показывал диафильмы, мы ходили на демонстрации, гуляли по Москве, папа показывал, где раньше жил, рассказывал о своем детстве. Он же был чудным рассказчиком.

А я был, мягко говоря, не самым прилежным учеником, и в основном в мою школу ходила отдуваться бабушка. Изредка — мама, когда бывала в Москве. А папа никогда. Принципиально, даже в редкие паузы между гастролями. Но единственный раз все-таки зашел. На выпускной вечер. По моей просьбе. Дело в том, что нам, выпускникам, разрешили отмечать знаменательное событие с вином, хотя официально это было запрещено. И тут выяснилось, что в нашу школу направляется комиссия из РОНО. Директриса в связи с этим впала в предынфарктное состояние, завуч побелела как стена. Вот тут я и обратился к отцу. Он приехал немедленно, встретил комиссию и увел в пионерскую комнату. Собственно, на этом все закончилось. Расходилось начальство оттуда очень веселым.

Не занимался папа и моим воспитанием. А мама им занималась эпизодически. Но, несмотря на их постоянные отъезды, я не переживал комплекса брошенного ребенка. Оставаясь с бабушкой, я с раннего детства понимал, что у родителей такая работа. И потом, они все время передавали с оказией посылки, письма слали, отец рисовал мне забавные комиксы, картинки. Да и звонили постоянно, умудрялись даже из Америки и из Японии, хотя это стоило сумасшедших денег.

Нас в семье было трое детей — троюродного родства, два брата и сестра. Так что все подарки, привозимые родителями, автоматом дробились на троих. И откровенно говоря, особого достатка в семье не было. Прекрасно помню, как перед приходом знакомых папа с мамой покупали вино, сливали его в кастрюлю, потом шли сдавать бутылки и на вырученные деньги отоваривались плавлеными сырками — надо же было им с гостями чем-то закусывать. По стаканам вино разливали поварешкой. И ведь никого это тогда не цепляло, не раздражало. Совсем по-другому жили люди, во многом чище, чем сегодня. Машину отец купил, когда мне было уже лет восемь. Он собирался сниматься у Эльдара Рязанова в фильме «Берегись автомобиля». Водить машину папа не умел, так что с утра к нам приходил инструктор с «Мосфильма» и учил его вождению — вместе с примкнувшей мамой. Так, вдвоем, они и получили права. Потом и машина появилась. Долго она у нас была, лет 15, пожалуй. Приканчивал ее уже я, будучи студентом.

Разногласия и споры у родителей случались, конечно. Точки зрения у них могли не совпадать, но по-крупному они не ссорились никогда. Жили в любви и нежности и были неразрывны — какое-то фантастическое совпадение. Причем оба обладали потрясающим чувством юмора и уникальным мастерством рассказчика. Когда они рассказывали что-то вдвоем, окружающие буквально задыхались от хо-

хота. Они же разыгрывали истории, интерпретируя их в анекдоты.

И мама, и отец были очень гостеприимными людьми. А какие люди к нам приходили! Сегодня о них говорят с придыханием, а для меня это были дяди и тети: тетя Белла Ахмадулина, дядя Булат Окуджава, дядя Витя Некрасов, дядя Женя Урбанский. Когда он пел под гитару, у нашего дома стены дрожали. Хорошо, что они в пять кирпичей толщиной были, а то соседи поубивали бы всех. А какие потрясающе интересные разговоры, споры, обсуждения происходили на этих застольях! Невероятный был кураж — оттепель, свобода! Для нас с братом самым большим счастьем было, когда о нас забывали. Взрослые начинали куролесить часов в 11 вечера, заканчивали к утру, а мы незаметно забирались под стол и сидели там тихо, замороженно слушая их разговоры. Среди ночи вдруг кто-то спохватывался: «Как, дети не спят?! А ну марш в кровати, быстро!»

В таких междусобойчиках отец всегда лидировал. При этом ни малейшего усилия к этому не прилагая. Это тоже уникальный его дар. Никаких секретных приемов психологического воздействия у папы не наблюдалось, а все равно, едва он появлялся, все сразу собирались вокруг него. Вот мы с Гришей Гориным вспоминали историю с «Белым попугаем». Передача уже шла, и отца однажды пригласили в ней поучаствовать. А дальше я перескажу со слов Гриши: «Едва Никулин вошел, сразу стал там главным,

и все перестали понимать, как вообще это раньше существовало без него. И когда его не стало, я был убежден, что передачу надо закрывать, потому что из нее выпал стержень. То есть мы по-прежнему собирались на съемках, сидели за столами, но ничегшеньки выдавить из себя не могли. Ушел человек, который объединял всех». Это действительно загадка: чем, как отец умел завораживать людей? Непонятно.

Отец любил посидеть за столом под рюмочку. Нравилось ему это. Но должен сказать, он никогда не напивался. Пьяным я вообще его не видел, а хорошо выпившим — три раза. Первый — они с Булатом Окуджавой перебрали с горя. Тогда Булатика провалили на его первом концерте в Политехническом музее — травля была организована. Перед специально подогнанной комсомольской публикой поставили задачу освистать его, оплевать, что и было с блеском проделано. И вот отец у нас дома в достаточно нецензурных лексических конструкциях доказывал поникшему Окуджаве, что он гений, а все те — кретины и уроды.

В другой раз, помню, отец пришел очень сильно выпившим с Евгением Евтушенко. Под утро. На этот раз они набрались на радостях в ВТО, единственном ресторане, который работал в Москве ночью. Пока они всю ночь там квасили, дядя Женя каждые пять минут бегал к телефону-автомату и звонил в редакцию газеты «Правда». Дело в том, что в утреннем но-

мере должен был выйти большой отрывок из поэмы «Бабий Яр», что означало бы признание Евтушенко как советского поэта. И каждый раз он возвращался понурый, потому что редакторы, корректоры бесконечно требовали правок. Он матерился, что-то переправлял, пил и опять шел звонить. Но утром они явились победителями — со свежим номером «Правды». Тут же собрался народ и всем миром стали отмечать событие. А третий раз папа прибыл домой «хорошеньким» с банкета, когда ему присвоили первое звание — заслуженного артиста РСФСР. Очень долго того звания не давали.

С отцом я стал посиживать за столом лишь когда мы начали работать вместе. За те четыре года мы невероятно сблизились. Общаться стали гораздо чаще, и я очень многое переосмыслил, понял про отца. Вот тогда, в цирке, мы и общались за рюмочкой. Допустим, работаю я у себя в кабинете, раздается звонок по внутреннему телефону. В трубке строго официальный голос отца: «Максим Юрьевич, зайдите ко мне!» Захожу. У него на столе: салатик, рыбка, огурчики, бутылка водки, две рюмки. Говорит: «День сегодня тяжелый был. Давай по чуть-чуть накатим и по домам».

В народе об отце гуляли разные слухи. Например, алкоголики трепали друг другу святочные рассказы о том, как Никулин с удовольствием каждому встречному раздает по трешке или же радостно идет пьянствовать вместе с ними. Поэтому цепля-

ли отца постоянно. Тем для разговора обычно было две: «Пойдем, выпьем!» или «Дай денег!» Соответственно, у него было отработано две модели отмазок. Когда просили денег, он говорил: «Ребят, рад бы, но поверьте: жена забирает. Все до копейки!» Реакция всегда следовала одна и та же: «Неужто и твоя тоже?! И у меня такая же змея! У-у-у, суки. Ну ладно, извиняй тогда». А когда звали на троих, папа печально констатировал, подкрепляя соответствующей жестикуляцией: «Ребят, я в завязке». Это безотказно вызывало сочувственное понимание: «О-о-о, вот оно что. Ну тогда понятно, бывает. Держись!»

Особо ушлые, наслышанные о папиной доверчивости и доброте, даже в цирк к нему прорывались, несмотря на охрану. Сценарий известный, отработанный: детей вперед и затянули жалостливую песню — мол, сами мы не здешние, проездом, паспорт потеряли, денег нет, дайте на билеты, на еду. Отец всегда давал. Всем. Не счесть тех, кому он помогал, совершенно бескорыстно откликаясь на любую просьбу. Увы, среди них было много обманщиков, мошенников, любыми хитростями выманивающих у него деньги или какие-то жизненные льготы. Однажды я не выдержал, взорвался по поводу одного из таких «страдальцев». «Слушай, — сказал, — ты же видишь, что это жулики. Не в деньгах дело, хрен с ними, в конце концов, но обидно же, что тебя разводят, прости, как последнего лоха. За дурачка считают». Он молча выслушал мою гневную тираду, а

потом тихо сказал: «Мальчик, а если это правда?»
Говорю же, внутреннее благородство.

Мог отец и выйти из себя, хотя случилось это крайне редко. Мама рассказывала историю, случившуюся еще до моего рождения. Папа однажды до такой степени поругался со своим партнером Карандашом, что погнался за ним с топором в руках. Так и бегали вокруг цирка: маленький Карандаш, а сзади — Никулин, размахивающий колуном. Мама говорила, что испугалась жутко, потому что глаза у отца стали совершенно белые и он буквально не соображал, что творил. В итоге его догнали, скрутили, топор отобрали.

А вообще, папа не выносил глупость, раздражался, когда приходилось общаться с дураками. Возмущался потом: «Как можно не понимать элементарные вещи, он что, совсем кретин?». Или: «Ну если нет у человека чувства юмора, так он должен хотя бы понимать это!». Так же отец не терпел обмана, предательства от тех, кому доверял. Это воспринимал чрезвычайно серьезно и не прощал. Но что характерно, никогда никого не информировал о таких эпизодах — не сообщал, мол, вот такой-то мерзавец гадость мне сделал. Про месть я вообще молчу, это исключено. Но человека этого из своей жизни вычеркивал. Тот для него просто переставал существовать.

Как-то приношу папе один достаточно перспективный и очень выгодный цирковой проект. Можно

сказать, лоббирую его. Отец посмотрел, одобрил и вдруг увидел в документе фамилию, условно говоря, Пупкина. «А этот что здесь делает?!» Я объясняю, что он спонсирует, дает немалые деньги. Отец: «Это исключено!» Пытаюсь убедить: «Да не обращай внимания, тебе же не выпивать с ним, ты и видеть его не будешь». Но Ю.В. сказал, как отрезал: «Если он в проекте, меня рядом не будет. И договор не подпишу, и участвовать не стану. С ним — никаких дел!» Уговорить его было невозможно. В принципиальных вопросах жестко стоял на своем. При этом, когда надо было кого-то из подчиненных отчитать, сделать внушение, выговор объявить, смотреть на отца было невозможно. Я не выдерживал — выходил из кабинета. Потому что провинившийся человек переживал гораздо меньше отца. Папа смущался, краснел, терял слова, начинал говорить косноязычно, отводил взгляд в сторону, в пол — чуть не со слезами на глазах. Это было жутко смешно.

Цирку отец был предан самоотверженно. А ведь специфика работы цирковых очень своеобразная. Например, был случай, когда мне, 7-летнему, делали сложнейшую операцию по удалению почки, а отец в это время находился на гастролях — выходил на арену, шутил, смешил людей, а в перерывах бежал к телефону, звонил маме в Москву и спрашивал, жив ли я еще. Ситуация на самом деле было очень серьезная: я перенес несколько операций и суммарно провел в больнице четыре месяца. Мама, чтобы иметь